

однолітків, не приписувати їх до своєї оцінки і характеристики, що може бути зумовлено власною культурою.

Лінгвосціокультурна інформація дуже різноманітна й багатогранна, адже вона торкається усіх сфер життя. Тому ефективним засобом навчання є використання додаткових автентичних матеріалів, як-от: художні тексти, відеофільми, записи радіо- і телепередач, газети, журнали, прагматичні тексти (буклети, оголошення, меню, реклами, білети, програми тощо), тексти з Інтернет-ресурсів (країнознавча інформація автентичних сайтів, блоги, чати, довідники тощо).

Отже, процес формування й розвитку у здобувачів вищої освіти лінгвосціокультурної компетенції є складним, багатогранним і необхідним, тому вищезазначені засоби навчання доцільно використовувати в самостійній роботі бакалаврів/магістрів, яка є обов'язковою в системі професійної підготовки вчителя англійської мови.

1. Гончарук Т.В. Культурологія. Тернопіль: Карт-бланш, 2004. 213 с.
2. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 336 с.
3. Методика навчання іноземних мов і культур: теорія і практика. За загальн. ред. С.Ю. Ніколаєвої. К.: Ленвіт, 2013. 590 с.
4. Методика формування міжкультурної іншомовної комунікативної компетенції. За ред. С.Ю. Ніколаєвої. К.: Ленвіт, 2011. 344 с.
5. Шукин А.Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. М.: Издательство Икар, 2011. 454 с.
6. Agar M. Language Shock: Understanding the culture of conversation. New York: W. Morrow and Company, Inc., 1994. 184 p.

Татьяна Савоськина

к.филол.н, доцент

Измаильский государственный гуманитарный университет

tatsavoskina71@gmail.com

ПСАЛТИРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЭЗИИ С.А. ТУЧКОВА

«Следы исчезнут поколений, // Но жив талант, бессмертен гений...». Эти слова из стихотворения Федора Ивановича Глинки можно вполне адресовать Сергею Алексеевичу Тучкову (1767-1839), вошедшего в историю как разносторонне одаренная личность. Опытный военный, имеющий высокие награды за отличие в сражениях против Швеции, Польши, Персии, Турции, он сумел проявить себя и как деятельный администратор. В 1802 году был назначен главой гражданской администрации Грузии. Благодаря военному опыту и четкой организации дела ему удалось спасти население Тифлиса от свирепствующей

эпидемии чумы. Признательные грузины воздали своему правителю царские почести, когда он покидал их страну, получив новое предназначение. В 1809 году генерал-лейтенант Тучков в статусе командира всех крепостей южной части Бессарабии приступил с присущей ему энергией к активному заселению и благоустройству края. В рапорте, поданном в 1812 году на имя Его Императорского Величества, генерал-губернатор П.В. Чичагов, под верховным управлением которого в то время находилась Бессарабия, писал: «...перед Измаилом выстроено предместье, новый город по виду и расположению своему составить могущее... Устроение сего города и население не стоило казне никаких издержек. Труды и попечительность генерал-майора Тучкова положили ему основание и привели в настоящее цветущее состояние. В ободрение за столь полезное дело я бы почитал весьма приличным — город сей назвать по имени учредителя его» [7, с. 139]. Именно на этом документе появилась резолюция Императора Александра I: «Исполнить». Однако градоначальником созданного города Тучков стал только в 1830 году и в течении пяти лет своего пребывания на этом посту продолжал благоустраивать центр Бессарабии, который считался первым по наличию в нем красивых зданий. В период градоначальства Тучкова были построены дома с галереей, здание для магистрата и градоначальства, позже известное как городская управа, при нем была заложена и построена Соборная церковь, вокруг которой разбили парк и устроили Соборную площадь.

Основатель города Измаила был не только деятельной, но и творческой личностью. Он известен как военный писатель, перу которого принадлежат документально-исторические «Записки 1766 – 1808 г.г.» и «Военный словарь», по праву считающийся предшественником первой русской военной энциклопедии. Разносторонность дарования Тучкова проявилась и в его поэтическом творчестве. Литературные интересы пробудились у него еще в двенадцатилетнем возрасте, когда он познакомился со стихами Ломоносова. В 17 лет он уже был почетным членом студенческого литературного общества «Вольного российского собрания, пекущегося о распространении словесных наук» при Московском университете, находившегося под опекой Н.И.Новикова. С публикаций нескольких стихотворений в журнале Общества «Покоящийся трудолюбец» началась литературная карьера будущего поэта. Переехав для службы в Петербург, он продолжал заниматься литературным трудом: посещал «Общество друзей словесных наук», организованное воспитанником Московского университета М.И. Антоновского, другом и соратником Н.И.Новикова; активно сотрудничал в журнале Общества под названием «Беседующий гражданин», в котором принимал участие и А.Н. Радищев. Как видим, юность поэта была связана со знаковыми фигурами в литературе, оказавших влияние на его миропонимание, программные установки, тематические и жанровые ориентации творчества. Несмотря на то, что литературная деятельность Тучкова часто прерывалась военными походами, ему удалось в 1816-1817 годах выпустить в Санкт-Петербурге четырехтомное издание своих «Сочинений и переводов».

Поэзию Тучкова следует отнести к так называемой литературе «второго ряда». Но как справедливо отмечал А. Г. Горнфельд «муравьиная работа» «малозаметных и забытых писателей» далеко не бесплодна [1, с. 50]. Развивая и

обосновывая суждение своего единомышленника В.Г. Жирмунский размышлял: «...характеристика установившегося в данную эпоху жанрового типа произведений второстепенных писателей может быть показательнее, чем произведения писателей первоклассных». Второстепенные художники, по мысли ученого, «создают литературную «традицию», превращая индивидуальные признаки литературного произведения в канонические [3, с. 226-227]. В этом контексте псалтырная поэзия Тучкова представляет литературоведческий интерес как с точки зрения становления его творческой индивидуальности, так и отражения в ней магистральных тенденций русской лирики XVIII столетия. Такой вектор исследования дополнительно актуализируется и неизученностью литературной деятельности поэта.

Как ни парадоксально, формирование и активное развитие жанра поэтических переложений псалмов происходит в эпоху Просвещения, являющейся ключевой на пути развития процессов секуляризации и рационализма. Столпы поэтического Олимпа XVIII столетия Феофан Прокопович, А.Д. Кантемир, В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, В.И. Майков, Г.Р.Державин, приняв эстафету от Симеона Полоцкого, положившего начало псалмодической традиции в русской поэзии, виртуозно осуществили переход от средневековой религиозной формы к новой жанровой модели стихотворных псалмов как репрезентанту высокой торжественной поэзии классицизма. Популярность псалтирной поэзии в эпоху нормативных поэтик объясняется несколькими причинами. С одной стороны, она явилась для стихотворцев полем стилистических, языковых экспериментов, апробации новой системы стихосложения, а с другой – новой литературной формой диалога Творца и души человека, способствуя тем самым сохранению христианских традиций в просветительской литературе. Трудно было найти поэта в русской литературе классицизма, не занимающегося стихотворным переложением псалмов.

Устойчивость жанра поэтического переложения псалмов, пик популярности которого приходится на середину 18 века, поддерживали не только знаковые фигуры классицистической литературы, но целая армия многочисленных, но малоизвестных поэтов эпохи Просвещения: В.Г. Рубан, Ф.Я. Козельский, Е.И. Костров, Н.П. Николаев, И.В. Лопухин, Н.М. Шатров, Ф.И. Дмитриев-Мамонов. В этом же ряду неоднократно упоминается литературоведами имя и Сергея Алексеевича Тучкова. Осваивая жанры своего времени, он сочинял не только оды и сонеты, но занимался и поэтическим переложением «Песен царя Давида», в частности 12 и 46 псалмов; его перу также принадлежит Песнь Богу «Звезд создавша миллионы...», тяготеющая к духовной оде.

С целью выявления наиболее существенных компонентов псалтырной лирики и особенностей творческой манеры поэта рассмотрим более подробно стихотворное переложение 12 псалма С. Тучковым в сопоставлении с переложениями этого же ветхозаветного претекста у В. Майкова и И. Богдановича. Можно предположить, что тематический выбор данного псалма для стихотворного переложения связан у Тучкова с перекличкой происходящих событий в жизни поэта и царя Давида. Известно, что 12 псалом был написан Давидом во время гонений его израильским царем Саулом. Измученный и

обессиленный этими преследованиями, он обращается Господу Богу с мольбой о защите его от врагов, о милости Божьей, обещая воспевать имя Господа Всевышнего в гимнах своих во веки веков. Канонический текст ветхозаветного 12 псалма звучит так:

1. *Начальнику хора. Псалом Давида.*

2 Доколе, Господи, забудеши мя до конца? 2. Доколе отвращаеши лице Твое от мене? 3 Доколе положу советы в души моей, болезни в сердце моем день и ночь? Доколе вознесется враг мой на мя? 4 Призри, услыши мя, Господи Боже мой, просвети очи мои, да не когда усну в смерть, 5 да не когда речет враг мой: укрепихся на него. 6 Стужающие ми возрадуются, аще подвижуся. 7. Аз же на милость Твою уповах. Возрадуется сердце мое о спасении Твоём, воспою Господеви, благодаявшему мне, и пою имени Господа Вышняго [5, с. 43].

Тучков приступил к переложению Давидова псалма также в достаточно тяжелый для себя в период жизни – 1789 году. В это время он принимал участие в войне со шведами 1788-1790. Находясь на гребной флотилии, командовал ротой и батальоном морской артиллерии, ежедневно сталкиваясь лицом к лицу со смертью. В этом смысле переживания царя Давида, страдавшего от преследования врагов, вполне могли быть созвучны тревожным чувствам 22 летнего поэта. В первую очередь, обращает на себя внимание то, что автор, следуя псалмодической традиции Ломоносова, Третьяковского и Сумарокова, не изменяет содержание первоисточника. Он не только сохраняет смысл его основных ветхозаветных концептов, но и его метрическую организацию, основанную на синтаксическом параллелизме: Доколе, Господи, доколе // Пребудет зрак твой отвращен? // Доколе я в несчастной доле // Тобой остануся забвен? // Доколе положу советы // Я в сердце и в душе моей! // Доколе скорби и наветы // И день и ночь пребудут в ней? // Доколе враг мой вознесется // Еще, о Господи! над мной? // Мой глас к тебе да принесется, // Услышь его, о Боже мой! // Тобою свыше просветяся, // Да никогда усну во смерть! // Не дай врагу рещи, гордяся: // «Возмог я рог его сотерть!» // Стужаючи возвеселятся, // Егда подвигнусь я от них, // Но мысли ввек не пременятся // В надежде милостей твоих. // Весельем сердце облечется, // Что душу спас Господь во мне, // И имя громко воспоеся // Благодаявша Бога мне! [6].

Здесь наблюдаются синонимические вариации одной и той же мысли, апеллирующей к Богу как Личностной силе, Неотступному Наблюдателю и Слушателю, испытующему глубины человеческого сердца. Такая же тесная связь с идейно-тематическим содержанием 12 псалма и его структурой сохраняется в стихотворных переложениях у современников Тучкова: До коле буду я забыт, // О Боже мой, в огне страданья, // До коле от меня сокрыт // Твой свет, источник упования? //... Доколе враг мой мне смеётся // Доколе торжествует он? (Богданович) [6]; Доколе, Господи, тобою // Забвен я буду до конца, // Доколе, Господи, тобою // Доколе мне перед собою // Не зрети твоего лица? // ... Доколь врагу не усмириться, // И предо мною возноситься... (Майков) [6].

Все три поэта не допускают вольной интерпретации канонического текста и, подражая Святому Писанию, закрепляют за жанром стихотворного переложения псалма высокопарно-торжественный стиль, сближая его с парадной одой.

Высокую ткань одического повествования в сопоставляемых переложениях обеспечивают риторические фигуры, многочисленные восклицания. Риторический эффект усиливается за счет неоднократного повторения единожды найденной формулы «Доколе». Сравнительный анализ позволяет выявить не только общее, но и собственную стратегию и принципы работы автора с чужим текстом. Так, особенности творческой манеры Тучкова проявляются прежде всего в отборе языковых средств. В отличие от Майкова и Богдановича ядро высокой и поэтической лексики в поэтическом переложении Тучкова 12 псалма представляют церковнославянизмы и архаизмы: «зрак», «забвен», «ночь», «глас», «реци», «доколе», «рог», «облечется», «стужаючи» и др. Как сторонник «старого слога», он считал библеизмы и устаревшие слова художественным признаком «высокой» поэзии, противопоставляя ее таким образом «среднему» стилю.

Особого внимания заслуживает еще один аспект поэтики жанра стихотворного переложения псалма. Несмотря на то, что литературные переводы XVIII столетия максимально сближались с оригиналом, тем не менее поэты допускали внутритекстовую импровизацию за счет расширения ветхозаветной образности, появления авторских словесно-выразительных средств. На это есть свое объяснение: стихи в церковнославянском тексте лишь приблизительно равны, а строфа в поэтическом переводе в новой системе стихосложения – силлабо-тонике – всякий раз требовала заполнения «пустующих» мест дополнительными словами и образами, в результате чего стих «вторичного» текста удлинялся. Например, в поэтическом тексте Тучкова, написанном четырехстопным ямбом, который Ломоносов считал наиболее предпочтительным для духовной поэзии в силу его благородства и торжественности, встречается образ «несчастной доли», усиливающий мотив Божьего забвения лирического субъекта (Доколе я в несчастной доле // Тобой остануся забвен?), многочисленные парафразы (Пребудет зрак твой отвращен вместо Доколе отвращаещи лице Твое от мене; Тобою свыше просветеса вместо Господи Боже мой, просвети очи мои). Эти новые техники и возможности наглядно демонстрирует Майков, используя в своем переложении 12 псалма образ «небесной тверди» как места Божьего пребывания. Богданович вслед за Тредиаковским активно употребляет в стихотворном псалме собственные метафоры: «могильный стон», «скорбная грудь» «огонь страдания», эмоционально усиливающих жалобу Богу на врагов, на свои несчастья, бедствия и неприятности. Современный исследователь Т.Г. Доссе справедливо усматривает в субъектной организации литературных переложений зачатки формирования поэтического самовыражения и проявление неповторимости индивидуального почерка автора [2]. С этой точки зрения стихотворные переложения, как новая жанровая модель литературы классицизма, соединившая в себе «ораторское одическое и личностное элегическое начало» [4, с. 76], успешно конкурировала с «государственной одой», вытесняя ее на периферию, и прокладывая тем самым путь к сентиментализму и романтизму в литературе последующего времени.

Таким образом, псалтырные переложения С.А. Тучкова - это строго унифицированный опыт ведущих поэтов XVIII столетия с проявлением авторской

интенции. В целом псалмодические стихотворения основателя города Измаила свидетельствуют о безусловном экстенсивном распространении псалтырной поэзии в пространстве русской культуры эпохи Просвещения. Адаптируя общеизвестное вероучение к новым условиям, поэты-классицисты выполняли не только просветительскую, литературную, но и гражданскую задачу, способствуя формированию в новых исторических условиях духовной личности.

1. Горнфельд А.Г. Забытый писатель (И.А. Куцевский, 1885). *О русских писателях*. СПб, 1912. Т.1. С. 46-112.

2. Доссэ Т.Г. Специфика субъектно-мотивированной поэтической природы жанра переложений псалмов русской литературы: автореф. дис ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/spetsifika-subektno-motivirovannoy-poeticheskoy-prirody-zhanra-perelozheniy-psalmov-v-russkoy-literature>

3. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западная литература. Л.: Наука, 1978. – 424 с.

4. Кулагина Е.Б. Духовная ода и переложение псалмов в современном литературоведении. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. Омск: Омская гуманитарная академия, 2015. С. 74-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/duhovnaya-oda-i-perelozhenie-psalmov-v-sovremennom-literaturovedenii>.

5. Псалтирь. Краматорск: Тираж 51, 2005. 560 с.

6. Псалтирь в русской поэзии. URL: <http://www.christianart.ru/index.php/2008-01-28-14-16-41/2011-08-02-20-15-35>.

7. Шишкина Р.П. Сергей Алексеевич Тучков. Измаил: Измаильская городская типография, 2016. 232 с.

Svitlana Slobodiak

lecturer

Izmail State University of Humanities

sslobodyak@gmail.com

THE ROLE OF POETONYMS IN THE INFORMATIVE STRUCTURE OF A LITERARY TEXT

The functioning of proper names in the real world is mainly limited to one function – the function of designation, which allows them only to distinguish and identify the designated objects. But once any proper name becomes a part of fiction, it changes its status into a poetonym, acquires a number of various characteristics and its informative value grows immensely.

Many prominent scientists, such as Yu. A. Karpenko, K. B. Zaitseva, V.N. Mikhailov, V. A. Nikonov, L. M. Shchetinin and others, were engaged in the study of poetonyms. Various types of poetonyms that function in fiction were considered in their works. In this article we dwell on such type of poetonyms as associative names.